

Истерика выюг рубежа тысячелетий, с гололедами и гриппозной сыростью, странным образом оказалась связанной с невероятной усталостью и равнодушием, метко поименованным *пофигизмом*.

На мгновение, из дальнего далека, проступит человеческое лицо, говорящее «не надо отпевать», и вновь – пустота и потусторонний холод вокруг.

Л.С.

Спящий куст

* * *

*Под небом севера безмерная нирвана,
Равнина серая, как ты обетованна
Просветам осени, сквозящим перелескам,
Где редкой просини давно общаться не с кем,
Где веткой бросили угоду теням веским.*

*Как чистый вздох,
Как просветлённый взгляд верны
Глубинам памяти, печалям глубины!
Но нет и в той, последней ясности, отдушин,
И дождь, шипя, живёт твоим костром потухшим.*

Шелест

Дышим разлукой, бродим по роще,
Шелест в прозрачной грусти полощем,
Будто не листья – мы покидаем
Небо с зарёю, Китеж с Китаем.

Слышится шелест в призрачном мире:
Пушкин – о чести, честь – о мундире;
Гамлет – о мести, месть – о Лаэрте...
Тонуций шелест жизни и смерти.

* * *

Какою скромностью изранено,
Как взгляд смиренностью мозолит
Твоё уставленное на небо
Житьё, затворник поневоле.

Как будто зимы проваланданы
По иллюзорностям невнятным.
Курятся утешений ладаны,
Стыда ещё рассветны пятна, –

А мысль уж рабская подброшена,
Как будто кто-то приглашает
Взглянуть из клетки по-хорошему
На чахлость городских лужаек.

Мол, мир – такой же призрак узника,
Что впору вместе разреветься,
А дождь – родная сердцу музыка
И с ней найдёшь единове́рца.

* * *

Жизнь как платье давалась на вырост и вот – коротка.
В ней нелепым кажусь, хоть нелепей она выставляла.
Не хватает всего – голубого, без мути, глотка,
Воскового луча, что проник в заточенье Дедала.

Чем убыточней свет, тем цветней и отважней листва.
Как я осень люблю за такую с ней нашу напрасность!
Будет глубокомысленна и безупречно права
Вслед за этим зимы ледяная бессильная ясность.

Будут скованны речи речных говорящих камней.
Обсточатся ив оголённые чёрные прутья.
А пока – что за бред, что за чувства приходят ко мне!
По горящим узорам аллея пролагаю им путь я.

богие

Есть коляски и трости у нас,
Но... дворовые! чуждой мы повести,
Что чиноша строчит, не чинясь
Наживаться на муках и горести.

Не сожжёт этот Моголь – солжёт
Или вычеркнет: делать им нечего!
Лист слетит на дорогу, тяжёл,
Место казни нигде не отмечено.

* * *

Ни огня, ни звезды, ни сполоха –
Только ровная тёмная гладь,
Чтобы всё принимать без подвоха
И без умысла всё отвергать.

А узоры нескучного сада,
Тяжесть яблок и ветер с реки –
Отголоски прощального взгляда,
Сны привычные, что далеки.

Век циничный безжалостно прожит.
Даже совесть устало молчит.
Неужели ничто не встревожит?
Да, ничто. И вопрос нарочит.

* * *

Под тяжестью растущих нош –
Как придорожная трава я,
Что, даже вытоптана сплошь,
Живёт, на что-то уповая.

На что-то... что подчас чудней
Упорного стремленья к свету
Каменьев с жилами корней,
Не признающих тяжесть эту.

* * *

Устал и жить... а всё живёшь,
Как будто лишь какой-то праздник.
И листьев золотая дрожь
Медлительностью сердце дразнит.

Объяты мысли и трава
Глухой эпохой обветшанья,
Где все красивые слова –
Людской сумбур, приём шуршанья.

Дрожит и лист, и человек –
А что ты, одинокий, можешь?
Молчишь. И поджидаешь снег,
И сердце вымыслом тревожишь.

* * *

Холодная родина. Слабый парок
Дыханья на хмуром стекле.
Двух струн напряжённых ведущий чирок
Исторгнул прощанье земле.

А я остаюсь – на погибель? на жизнь? –
Написано здесь на роду
Стихами встречать, как рядами дружин,
Листвы золотую орду.

Пусть небо моё дважды перекрестил
Крест рамы в осаде ветров –
Родное! – почти уместилось в горсти,
Как самый большой из даров.

* * *

Летят, как листья по ветру, года,
Чтоб на дорогах памяти улечься.
И ты из ниоткуда в никуда
Бредёшь, не в силах забытьём увлечься,

Остановить и ветер, и листву –
Весь этот сброд, хаос противоречий,
Где всякий мнит: я в памяти живу!
Где мнишь и сам: хотя бы в русской речи...

Но что сказать сквозь бронзовый налёт
Глухой травы – наследья родового?
Когда не ссылка и не гибель ждёт,
А равнодушие до потери слова.

* * *

Сыро. И день не светел.
В страннейшем из миров
Вновь осыпает ветер
Камешки с плит домов.

Что же с латынью этой
Делать? Сто раз на дню
Шепчет она: «Не сетуй,
Не предавай огню».

Не предаю, а в уши:
«Веруй...» – Что делать с ней?
А темнота снаружи –
Внутренней не страшней.

* * *

Сегодня облака – седые, как снега,
Когда их наметёт сыпучими холмами.
И свет издалека, и жизнь издалека
Сияют, будто сны, покинутые нами.

А завтра – синий лёд и ветер запоёт
О звёздах и листве, что были золотыми,
А может, и о нас, не отводивших глаз,
Умевших тосковать и любоваться ими.

И мы приснимся вам, не верящим словам, –
Как звёзды, что горят, хотя давно остыли,
Как одиноких дум плывущий в небе дым,
Как золото листвы в слюде дорожной пыли.

* * *

И ветер стих, и день поблёл.
Деревьев нищи изваянья.
А лучший мир – он так далёк,
Так призрачны его сиянья,

Что передать не в силах слог –
Косноязычья грозный атом.
И на листву, как на ожог,
Снег налипает мокрой ватой.

А жизнь ругающий – Иов,
Старик, что сам себе бормочет.
Дай бог ему приветных слов
И неба чистых оболочин.

* * *

А холод осенний бывает – что клад
Для бедного сердца, в котором горят

Полоски надежды, обрывки игры
И прочие блёстки земной мишуры.

На пепле желаний, на шелесте чувств
Ты озимь сомнений посеял, ты пуст

И ведаешь то, что дано старикам:
Мечтая о жатве, готовься к снегам;

Надеясь на радость, тоску пожалей –
Ведь скоро не будет и пасмурных дней.

* * *

Мимо мирных развалин, салонных дверей,
Вдоль купеческих окон – с печалью своей
Пропадаешь, устав от никчёмного века.
Время белым по чёрному пишет быльё,
Будто вьюга и бесы полощут бельё
Отставного калеки, и этот калека

На мгновенье, из проданного далека,
Обернётся к тебе. И такая тоска
Вдруг найдёт, что не вспомнишь обратной дороги,
Ни лица не припомнишь того, своего,
Ни намёка на правду. Совсем ничего.

Только тени людей обивают пороги
Да не святочно хари из «мерсов» глядят.
Время выборов. Шум. «Господин кандидат,
Уточните последнее место работы...»
И смущенье на щёчках – «Ах, лесоповал...»
Будто слили в отстой иль срубили в отвал.
Се – Россия. Сводящая с будущим счёты.

* * *

Земное долголетье – от земли,
От неба в нас – ко времени презренью.
Поля пусты, деревья на мели –
Знакомое душе тихотворенью.

За осени кострами – чистота
И холод, будто не закрыта вьюшка
Небесная. И виден край скита
В заиндевельных замерших опушках.

Взгляд покорён суровой простотой
Земли, где даже спящий куст врачует
Слепую душу, и слепая чувствует
Блаженства в небе отблеск золотой.

* * *

Лирическая дума не мала,
Хотя о ней не ведают молва,
Хотя её – миражи мира кормят.
Пусть стынет свет, горяч её удел –
Ласкать того, кто ею овладел
И с нею погребён в пустыне комнат.

Какой-нибудь продвинутый Саид
Поймёт, что значит комнатный пиит,

Совсем один, свихнувшийся с собою?
Не шёл товарищ... Падала звезда.
Товарищи не ходят иногда.
Забрёл ковбой – плевать ему, ковбою.

С тех пор миражей много утекло,
Витают думы, словно НЛО,
И я ценю её как раз за это.
Былых общений натянулась нить.
Живи один? Легко сказать, а жить...
Средь тёмного, запёкшегося света.

* * *

Со свежего листа... Душисто веет снегом,
Декабрьский день цветёт нежнее миндаля.
Соприкоснулась вновь со слишком близким небом
Такая ж как оно, проходящая, земля.

Но зябко снег пушит, теряя санный волок,
Уж прорубь в облаках синееет через край.
И знаешь, если мрак и оголтелый холод
Я не переживу, – ты не переживай.

Не стирай тоски и горестней, и выше
Посеребрённых звёзд и выдохнутых роз.
Считай: в цветущий сад я ненароком вышел –
На мало и шути. Надолго и всерьёз.

* * *

Догорел закат, лишь синий пепел тлеет
Золотыми искрами глубин.
Будто говорит: хоть сердце леденеет,
До последних проблесков любви.

Очертанья дня всё меньше различает
Взгляд, как будто протекли века.
Кончились ветра – трепещут крылья чаек.
Выпал снег, но тают облака.

Выпал снег. Вновь станет заступом лопата.
Спи, без снов несчастная страна.
Это в смерти смерть совсем не виновата,
Это в жизни жизнь не создана.

* * *

Из поля зренья выпали поля,
И перелески – из округи.
Метафорой становится земля,
Безмолвием – шептанья вьюги.

Засвечены миры, как времена,
И в небе я, во мне оно ли,
Но по полёту птица не видна,
И тяжесть – по снежинок роли.

Один лишь звук – отпевный, низовой –
Сухую ветку потревожит.
И белые крыла над головой
Забвенный день, как ангел, сложит.

* * *

Снег. И веет холодом от окон.
Одиноко в мире одиноком,
Но едины лира и душа.
Можно быть провидцем и пророком,
Тишиной и нежностью дыша.

И пустынно. И совсем не пусто.
Постоянство снега – только чувство
Всех тропинок на своих местах.
Можно душу вывернуть до хруста,
Погружаясь в этот светлый прах.

Ничего в пространстве, кроме вьюги,
Чтоб молиться об ушедшем друге,
Может, самом близком на земле.
Он молчал о маленькой услуге –
О едином слове, о тепле.

* * *

Причалы крыш и улиц берега.
Течение духа медленно и глухо,
И в эту глушь, в её медвежье ухо,
Собора вдега рыжая серьга.

Ловлю губами... рыбий голосок
Провинции – как слово провисает!
Вот наша жизнь: и губит, и спасает,
И дарит снег, что времени песок.

Столицы тень, но в тишине теней
Присутствует вещей перерастанье –
Так в снеге глубина, а не блистанье;
Так в лампе тусклость, что звезды видней.

* * *

Пространством усмирённый снег
Дремотной ранью.
Чтоб я, усталый раб, прибег
К его молчанью.

Кусты – подобья пирамид
В пустыне поля.
Там ветка мумиею спит,
С живыми споря.

Как будто жизнь ушла во сны,
Слегла в сугробы –
И нет ни писем, ни весны,
Ни слёз, ни злобы...

* * *

А век иной. Не кинется на плечи,
Хоть многих в волки выведет кривая
Его путей. Гудят котлы и печи,
Людских сердец совсем не согревая.

Январские морозы крепче водки!
Уже в крови, по чуткости – звериной,
Вино растворено. И люди? волки?
Под вой метели воют над равниной.

Что чуется в колючей круговерти?
Грызня потомков, слова одичанье...
Убьёт не равный – не равны и в смерти,
А лишь в прощенье. И ещё – в молчанье.

* * *

С утра шёл снег, и в четырёх стенах
Лепился сумрак, подвизался страх,
Как окруженье жизни одинокой.
Но вот внезапно, свой среди своих,
Страх растворился, долгий снег утих –
Явилось поле ясности широкой.

Сияли ослепительно снега.
Так ищешь друга, а найдёшь врага.
Сливались близи, застигались дали.
Как застил свет, как мыслями играл
Иллюзии божественный кристалл,
Какой застой лучи его скрывали!

О, спящий куст, что видишь ты окрест:
Течение дней иль перемену мест?
Приучен ждать, копить умеешь силы.
Ты можешь всё: корнями землю рыть,
И красоту, и зрелый плод дарить,
И верить – даже на краю могилы!

Но подтверждает снег, что нет пути,
И ты не в силах поле перейти.

Магистраль

Железный мост. Железный поезд.
Судьба в заклёпках и пролётах.
Лети, ничуть не беспокоясь
О на ходу сводимых счётах!

Железный век. Стальные двери
С глазком, цепочкой и задвижкой.
Закрой. И станешь меньше верить,
Себе – во сне и то не слишком.

Железный стих. Машинописный.
Чернил не достаёт февраль.
Сквозные, а скрежещут числа!
Иных не емлет магистраль.

* * *

Казалось, уже ни за что и
Не стронуть громаду, а вот –
Подмыты пласты и устои,
И толщ льдяная плывёт.

Ломая края, середины
Оковную мощь сотряся,
Подобьем судьбы или льдины? –
Она распадается. Вся.

Свидетель безумья такого,
Поймёшь ли, что ты не во сне,
И лучше томиться в оковах,
Чем грезить и петь о весне.

Но ворон как мельник смеётся!
Чернеют круги на воде.
И полною грудью поётся,
Уж как никогда и нигде.

ОЛЫНЬИ

Полынное небо. И горечь сомнений.
И сырость – призыванье галош.
Под небом угрюмым каких дуновений,
Какой осиянности ждёшь?

Когда и светлы-то (глядишь и не веришь)
Лишь две полыньи над тобой.
Пльви хоть за Трубеж, лети хоть за Велиж –
Повсюду их свет голубой.

Вот эта – нежнее, а эта – милее
В такой богознайной глуши,
Где связано всё, даже бог в мавзолее –
Одна из традиций души.

Церквушка с погостом, истёрханный скверик.
А небо темней и темней,
И лучше не думать, бездумней – поверить
Хотя б торжеству полыней.

* * *

Клянёт ли бедность пешеход Евгений,
А дни идут ни шатко и ни валко;
Осмысленней их жалких откровений
Стилистика – у ночи приживалка.

Не надобно проявленности лучшей,
Куда отрадней без стыда и горя
Спокойно думать о душе заблудшей,
Не прозревая низостей изгоя.

Но вот манера, вот ведь незадача –
Легко ль прожить, живя не по уму,
Жалея сытых, ничего не знача...
А дни идут, не жаль их никому.

* * *

Заплакан лёд на стёклах окон
И снег темнеет, как в ночи,
Но день смеётся ясным оком,
Что все мы нынче – богачи!

И дед в заплатах пальтишке
Блаженно жмурится на свет,
Поскольку знает об излишке
Печальных и тяжёлых лет.

Ведь он из тех, кому на милость
Сдавались смерти времена,
И помнит: что бы ни случилось,
А за войной – всегда весна.

И панцирь льда, клинками света
Изрубленный, на берегу.
И девичья улыбка – эта,
Расплёсканная на бегу...

* * *

Не стой, дружок, на паперти,
Душе не всё равно.
Уж плоть, не хлеб на скатерти;
Кровь в чаше, не вино.

Песочком лёд ступенчатый
Посыпан у дверей,
И мальчик покалеченный
Глядит, как иерей

Справляет службу верную,
О милости моля...
И ждёт зарю вечернюю
Плачевная земля.

* * *

Снег не таял в буграх низин,
Луч дремал на коре ольховой.
Между вывернутых лесин
Застоялся не вешний холод.

Прошлогодней травы клочки
Кромкой поля тянулись к свету.
Стебли были как жизнь узки,
Поле было широко ветру.

Двух несхожих миров верста.
Я набрёл на её извивы,
Как на фразу, что жизнь – пуста...
И согласно кивали ивы.

* * *

Глухие пятна трав за домом,
Грязца коричневая луж.
Тепло, но в веянье медовом
Дрожит душистый венчик стуж.

И одуванчик на пригорке
Не тает в солнечном огне:
Подуй на колкие иголки –
Пройдёт позёмка по стерне.

Ах, наше северное лето –
Короткое, как жизнь сама!
Вот пух мелькает, будто это
Всё кружит, всё сквозит зима.

*С*кросонет

Нехотя волны, одна за одной,
Аспидный камень у берега моют.
День. За туманной стоит пеленой
Ельник, объятый разлапистой тьмою.

Пасмурный край. Под печальной сосной
Абрис оградки... С молитвой немою
Плелся тут странник с порожней сумою,
Обомшева всегдашней виной.
Родина, воля твоя – в овсюгах,
Кто тебя выдумал странной такою?
Оскудевает туман над рекою –
Возится вечность в крутых берегах.
Облачно небо, как будто в снегах,
Йодистый воздух пропитан тоскою.

* * *

Тяжело. Одиноко. Но падшие духом – не правы,
Обвиняя судьбу, ибо вольно в «стране дураков»,
В многокрылых ромашках, распростерлись зеленые травы
Под сияющей синью в белопенной красе облаков.

Я не верю, что могут стать совсем безнадежными люди
И в усмешке кривиться, мол, найдутся дела поважней.
А в снегах тубероз, будто лучик, купается лютик,
И звенит колокольчик, и жертвенно пышет кипрей.

До чего же свои мне клевера, косогоры, проселки,
Лебединые всплески и поля пополам с лебедой.
Волчьих ягод огни – будто в зарослях прячутся волки!
И таятся озера с живою и мертвой водой.

Если вспыхнет ордалия, если за жизнь поручиться
Будет некому – вспомню, что душа, как травинка, жива.
Чуткий вереск лесной, иван-чай, и шалфей, и метлица
Мне помогут найти золотые, как нектар, слова.

* * *

Ещё не остыли трава и дорога –
Дневные любовницы света,
И тянутся ветви, чтоб ветер потрогал,
И шелеста нежность не спета.

Ещё не устала от щебета птица.
И, может, росой удивленья
Мы, дети тумана, сумеем плениться
И с миром достичь примиренья.

* * *

На огонь мы открыто глядим.
Так ли будем на вечности дым?

Тлеет долго в потёмках зола,
Будто света порог перешла,

И мерцает не свет, а тепло.
Наконец, и до сердца дошло.

Дальний берег похож на провал.
Я ведь жизнью тебя называл.

* * *

Лирика становится цинична,
Если всё в ней лишь предмет всего,
Если звук души и нота птичья –
Только знак бессилья твоего.

Где цари, что цензорами слыли,
Где пророки, что глаголом жгли?
Не достать одних из-под земли,
До смерти других позалюбили.

И в душе, блуждающей в дыму,
И в стране, где пошлое в почёте,
Лирика бывает на излёте
И почти не слышной никому.

Но бывает!.. Птица в светлой роще
Так звенит иль речка меж камней –
Чем безвестней, тем родней и проще;
Чем родней, тем тише и грустней.

* * *

... и это небо одинокое –
Такое бледное на вид.
Лишь в облаке, как в белом коконе,
Прожилка светлая кровит.

Да капли влаги, как смородины,
Прозрачной алости полны, –
Дрожат в листьях, что ливнем пройдены
С известной небу стороны.

* * *

С верой в землю жить... А вот без веры
Проживи, не скурвься, не предав,
Отметая прошлого химеры,
Никому не деляя вреда.

Жаль, что не рождён для службы царской, –
Веру в землю мог бы заслужить.
Только мир – охвачен свистопляской,
Чем в нём, кроме слова, дорожить?

* * *

Темнело. С воли дул холодный ветер.
И было так, как будто не приветил
Меня мой друг. И ветер был в груди:
Любви и справедливости не жди
Ни от кого, такого нет закона!

И я уснул. И видел блеск затона
И чей-то взгляд. И бриз береговой
Смирялся, будто лист перед травой.
Шептали камыши, где рощи дремлют:
Не верь себе, пока не ляжешь в землю.

* * *

К.В.

В захолустье, где вечность сурова:
Кто услышит? дыши, не дыши –
Вдруг сорвётся, как яблоко, слово,
Жизни тяжесть снимая с души.

Ах, какая великая зрелость –
В Спасов день умереть на земле!
Где лишь словом крещёному – пелось,
Сладко пелось в бесчувственной мгле.

* * *

Пора уж к веку золотому
Припасть натруженной пчелой
И слов горчашую истому
Сбирать для фразы ключевой.

И сквозь черты чертополоха,
Бурьяна буйство, мощь хвощей
Приметить, что не всё так плохо
В природной прихоти вещей.

Что, разгоняя кровь по жилам
Юнцам и даже старожилам,
Немеет мир пред глубиной,
Лишённой твёрдого значенья,
Но полной тихого свеченья,
Неясной прелести земной.

А в небе клин и лист кленовый –
Приметы осени, где новый
Короткий век дарован мне.
И я в тоске провинциальной
С какой-то нежностью печальной
Гляжу на летний куст в огне:
Он подражает купине.

* * *

Верить луне и сирени,
Что обещали тебя?
Тени, лишь хладные тени,
Мы не сольёмся, любя.

Стаи, летящие к югу,
Вновь провожаем с тоской.
Ходим, как время, по кругу;
Ищем, как стрелки, покой.

Ты – на луне, я – в Веретье.
Кругом идёт голова,
Тысячелетием – третьим
От Рождества.

Станешь над пропастью – плечи
Убраны в лунный атлас...
Ангел на небе погасит свечи
И не разбудит нас.